

А. С. Г Р И Б О Е Д О В

ЕГО ЖИЗНЬ и ГИБЕЛЬ

В МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННИКОВ

Редакция и примечания Зин. ДАВЫДОВА

Издательство «КРАСНАЯ ГАЗЕТА». Ленинград. 1929

СМЕРТЬ ВАЗИР-МУХТАРА ¹⁵¹

Рассказ Амбарцума

Наш вазир-мухтар (полномочный посол) был очень добродушный и милостивый человек, — сказал старец-рассказчик, — хотя господин в высшей степени раздражительного характера. В числе лиц, желающих вернуться на родину, были и такие, которые сделались евнухами при дворе Фет-Али-Шаха, и такие женщины, которые поступили в шахский гарем. В числе этих последних была одна очень красивая женщина, которая иногда, ночью, тайком приходила к вазир-мухтару в дом, находящийся в квартале Дараваза-Шах-Абдул-Азим (этот дом и до сих пор существует), и умоляла посла выслать ее на родину, в Тифлис. Ее принимали за мусульманку (она была грузинка). Когда узнали об этом, то как шах, так и народ страшно возмутились; подумали, что эта грузинка находится в любовных отношениях с вазир-мухтаром; в глазах же мусульман такой поступок может быть смыт только убийством нарушителя закона.

По шариату, и женщина и вазир-мухтар должны были быть избиты камнями.

Шах считал себя обесчещенным, а духовенство считало святую религию поруганною. Каждый день на базаре мы слышали, как муллы в мечетях и на рынках возбуждали фанатический народ, убеждая его отомстить, защитить ислам от осквернения «кяфиром». Мы приходили и рассказывали вазир-мухтару, но он только смеялся и не верил тому, чтобы они осмелились что-нибудь подобное

сделать. По настоянию наших казаков и телохранителей, он только один раз обратился к шаху и заявил о возбуждении народа.

Шах просил быть покойным, говоря, что никто не осмелится ничего сделать.

В 1829 году в последних числах января, волнение и возбуждение в городе постепенно увеличивались; шах со своими приближенными и своим гаремом выехал из города и поехал в одну из близ лежащих деревень.

Мы — курьеры и казаки — постоянно держали наготове наши ружья и пистолеты, но посол считал невозможным какое бы то ни было нападение на посольский дом, над крышей которого развевался русский флаг.

30 января, едва забрезжилось, как вдруг послышался глухой рев; постепенно слышались традиционные возгласы: «Эа Али, салават!» (с богом!), исходящие из уст тысячной толпы. Несколько служащих бегом пришли известить о том, что многочисленная толпа, вооруженная камнями, кинжалами и палками, приближается к посольскому дому, предшествуемая муллами и сеидами. Возглас: «смерть кяфирам» был слышен очень хорошо. Посол теперь понял опасность: он приказал запереть ворота, всем казакам и курьерам числом около 40 велел стоять позади ворот и охранять дом, а сам вместе с двумя казаками, имея в руках ружье и пистолет, стал перед дверью комнаты. При криках «Эа Али, салават» в страшном грохоте обрушилась дверь под ударами топоров. Толпа завопила: «где неверующий вазир-мухтар?» Несколько десятков персидских солдат, пришедших для вида из соседних казарм, моментально скрылись. Казаки героически дрались, постепенно отодвигаясь к комнатам. Когда почти все были избиты и толпа приблизилась к комнатам, посол со мною и вместе с двумя казаками лицом к лицу стали навстречу толпе.

Видя, что наступила последняя минута, я подошел к послу и попросил, чтобы он вошел в комнату, влез в печную трубу и через нее поднялся на крышу дома.

Оказалось, что он с места ранил нескольких и из ружья убил несколько десятков персов. Я остановился перед дверью и своим корпусом помешал толпе войти; сильные удары посыпались на мою голову, я упал, но все-таки произнес: «Вазир-мухтар уже убит, чего вы еще хотите?»

Не найдя никого в комнате, толпа поверила и вышла вон возвестить слух и отыскать труп. В это время кто-то заметил на крыше двух скрывающихся казаков; толпа тотчас взобралась на крышу и убила их камнями; один из мятежников заглянул в дымовую трубу и крикнул: «Вон один кяфир спрятался в печке». В одно мгновение разрушили печку, и, извлеки оттуда уже избитое тело (это было тело Грибоедова), подвергли его тысяче ударов. Лежа на месте, я слышал эти удары; меня считали уже умершим, или, быть может, меня спасло от смерти то, что я был одет в платье персидского курьера.

Изуродованный и избитый труп посла вытащили во двор, и быстро все успокоилось...

Когда я очнулся через несколько часов, кругом себя увидел одни развалины, трупы, человеческое мясо и кровь...

Скрылся в доме одного милосердного персиянина, узнал, что целых два дня таскали по улицам трупы посла и казаков вместе с трупами дохлых собак.

Спустя два дня, наконец, пришел сам шах; сердился, горевал и приказал подобрать трупы.

Я спросил старца - Амбаршума:

— Но неужели не нашли труп вазир-мухтара?

— Нашли один труп и говорили, что это труп Грибоедова, но бог знает, тот был или нет...
